

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 15.

1868 г.

Августа 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ИСТОРИЯ ВЯТСКОЙ СЕМИНАРИИ.

(Окончаніе).

Не высоко и слишкомъ односторонне было образованіе, сообщаемое въ Славено-Латинской школѣ; при всемъ томъ эта школа имѣла замѣтное вліяніе на ходъ просвѣщенія Вятской страны. Такъ изъ хлыновской школы вышли первые церковные проповѣдники въ здѣшнемъ краѣ. «Въ школахъ, мною основанныхъ»,—писалъ Финицкій въ своей просьбѣ епископу Варлааму въ 1745 г.¹⁰¹⁾, «нѣкоторые изъ студентовъ въ толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойнаго преосвященнаго Веніамина бытность поученія въ церквахъ сказывали, такожь уже и въ бытность вашего преосвященства, каковаго суть оныя ученія, въ самоперсональномъ проповѣданія ихъ слушаніи ваше преосвященство апробовать ихъ изволилъ». Не всегда, конечно, понятны были простымъ жителямъ Хлынова риторическія *предики* новыхъ проповѣдниковъ; но все же это былъ первый опытъ

101) Д. Д. К. № 22.

живой устной проповѣди, о которой дотолѣ на Вяткѣ не имѣли и понятія 102).

Изъ Славено-латинской школы взяты были первые учителя для учрежденной въ 1758 году Вятской духовной семинаріи. Когда въ указанномъ году епископъ Варѳоломей Любарскій рѣшился устроить семинарію въ Хлыновѣ и гимназіи въ Кунгурѣ и Соли-камской, онъ обратился къ бывшимъ учителямъ кончившей тогда свое существованіе школы и опредѣлилъ ихъ на учительскія же должности какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ среднихъ и низшихъ классахъ семинаріи, и только для преподаванія высшихъ наукъ вызвалъ нѣкоторыхъ ученыхъ изъ Харьковскаго коллегіума и Кіевской академіи 103).

Къ «студентамъ» славено-латинской школы обращались и посадскіе города Хлынова, желавшіе дать своимъ дѣтямъ хотя какое нибудь образованіе. Другихъ школъ во всемъ краѣ никакихъ небыло; до учрежденія *народныхъ училищъ* было еще слишкомъ далеко; по неволѣ тому, кто не хотѣлъ оставить своихъ дѣтей безграмотными невѣждами, приходилось пользоваться услугами учениковъ Славено-латинской школы. Изъ документовъ Дух. Консисторіи впрочемъ видно, что не одни только Хлыновцы пользовались такими услугами, а жи-

102) До насъ дошли имена и фамиліи первыхъ проповѣдниковъ или «*предикаторовъ*», какъ ихъ тогда называли въ Хлыновѣ. При Варлаамѣ предикаторами были: іеродіаконъ архіерейскаго дома Тимонъ, іеромонахъ Успенскаго монастыря Іоаннъ (Черепановъ), іеромонахъ того же монастыря Авраамій, священникъ Троицкаго собора Петръ Мироновъ, діаконъ: Сергѣй Арбузовъ, Ѳедоръ Шаринъ и Иванъ Падеринъ. При преосв. Антоніѣ упражнялись постоянно въ составленіи *предикъ* діаконъ: Алексѣй Свирѣповъ, Матвѣй Ушаковъ и Михаилъ Шашковъ; послѣднимъ тремъ за каждую предикку выдавалось по 50 копѣекъ. Д. Д. К. № 33, 47.

103) Д. Д. К. № 31, 32.

тели и другихъ городовъ, даже другихъ провинцій. Такъ напр. Малмыжскій помѣщикъ Юшковъ обращался къ епископу Антонію съ просьбою прислать къ нему ученаго школьника для домашняго обученія его дѣтей въ Малмыжскихъ Юшковскихъ вотчинахъ 104).

Наконецъ—мы были бы явно несправедливы по отношенію къ Хлыновской славено-латинской школѣ, если бы умолчали о двухъ питомцахъ ея, любимцахъ Финицкаго, которые обязаны были школѣ только своимъ первоначальнымъ образованіемъ, но безъ ея посредства, конечно, не могли быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлались въ послѣдствіи. Мы говоримъ о *Константинѣ Щепинѣ*, докторѣ медицины, и *Іоаннѣ Черепановѣ*, архимандритѣ Новоспасскомъ и членѣ Св. Синода.

Константинъ Щепинъ родился въ Котельничѣ въ 1727 году, а въ 1742 году уже окончилъ полный курсъ въ нашей школѣ и былъ отправленъ въ Кіевскую академію. Здѣсь Щепинъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ и смѣло могъ обѣщать себѣ почетное мѣсто при самой академіи, въ качествѣ профессора. Но въ то время въ Кіевѣ только и было разговоровъ, что о *Григоровичѣ Барскомъ*, недавно возвратившемся изъ долговременнаго путешествія. Разказы самого Барскаго, рѣдкости имъ видѣнныя, увлекательныя описанія царствъ и городовъ, съ ихъ жителями, храмами и дворцами, раздражали любопытство молодыхъ людей и увлекали ихъ къ путешествіямъ. Щепинъ былъ однимъ изъ первыхъ энтузіастовъ туризма и положилъ въ душѣ своей—во что бы то ни стало—побывать за границей. Онъ отыскалъ въ Кіевѣ одного греческаго монаха и, не долго думая, отправился изъ Малороссіи въ Константинополь. Тамъ онъ познакомился съ нѣкоторыми образованными европейцами и выучился англійскому и новогреческому языкамъ; но средства къ даль-

нѣйшему путешествію оказались недостаточными, а «мѣрять подобно Барскому ступаніемъ своимъ и пядію землю» Щепинъ охоты не чувствовалъ. Поживъ по этому нѣсколько времени въ Константинополѣ, Щепинъ возвратился въ Россію и, явившись въ Петербургъ, получилъ мѣсто переводчика при академіи наукъ. Тутъ онъ самъ продолжалъ заниматься разными науками и въ особенности—*ботаникой*, почему вмѣстѣ съ профессоромъ Крашенинниковымъ и былъ отправленъ въ Ингерманландію, для описанія тамошней флоры. По возвращеніи изъ экспедиціи, академія отправила его за границу для изученія естественныхъ наукъ, и онъ въ 1765 году поѣхалъ сперва во Флоренцію, а потомъ въ Лейденскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ медицины и въ 1758 г. получилъ степень доктора за свое сочиненіе—*Schediasmi chemico-medici de acido vegetabili*. Изъ Лейдена Щепинъ отправился въ Лондонъ и тамъ, по предписанію русскаго медицинскаго начальства, осматривалъ разныя врачебныя заведенія, а также занимался наблюденіями надъ рудокопнымъ дѣломъ. Послѣ Лондона онъ посѣтилъ Парижъ, выслушалъ тамъ курсъ хирургическихъ операцій, осмотрѣлъ Парижскіе госпитали, аптеки, ботаническіе сады, занялся пристально минералогіей и свелъ знакомство со многими современными учеными. Изъ Парижа онъ поѣхалъ въ Амстердамъ, потомъ въ Копенгагенъ, за тѣмъ въ Стокгольмъ, гдѣ познакомился съ Линнеемъ, принявшимъ его чрезвычайно ласково, и подъ руководствомъ этого ученаго осмотрѣлъ знаменитый Упсальскій ботаническій садъ. Наконецъ въ 1759 г. Щепинъ возвратился въ Петербургъ и опредѣленъ докторомъ при главномъ Петербургскомъ военномъ госпиталѣ. Въ этомъ званіи былъ экзаменаторомъ медицинскихъ чиновниковъ и составилъ медицинскія судебныя постановленія касательно врачебнаго благоустройства, сообразныя съ дѣйствовавшими тогда законами.

Спустя нѣсколько времени, онъ былъ назначенъ профессоромъ при Петербургскомъ врачебномъ училищѣ; а потомъ дивизионнымъ докторомъ во время семилѣтней войны. Въ 1764 г. Щепинъ отказался отъ службы и отправился путешествовать по Молдавіи, Валахіи и Галиціи, гдѣ собралъ множество рѣдкихъ растений и составилъ ихъ подробное описаніе, котораго не издалъ въ свѣтъ только потому, что смерть прекратила его жизнь въ 1770 г., въ самомъ жару его занятій, въ Кіевѣ. Этотъ *Вятскій* ученый мужъ, по свидѣтельству его біографовъ, былъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ въ свое время знатоковъ естественныхъ наукъ и особенно памятенъ для нашего перваго университета—Московского, которому онъ оставилъ многочисленную библіотеку и превосходный, самый рѣдкій, гербарій 105).

Акинѣй Черепановъ былъ сынъ Сорвижскаго дьячка Тимоѣя, родился, какъ и Щепинъ, въ 1727 году 106), а въ 1742 году, по окончаніи курса въ хлыновской школѣ, былъ определенъ въ ней сначала учителемъ инфимы, потомъ—грамматики и синтаксисы 107). Въ 1745 г. Финицкій предлагалъ «Акинѣю», какъ онъ называлъ Черепанова, вмѣсто себя—учителемъ риторики и поэтики 108); но «Акинѣй» не захотѣлъ быть учителемъ, а пошелъ въ монахи и въ 1745 г. принялъ имя *Іоанна*. Въ 1747 г. мы видимъ его уже келаремъ, въ 1751 г. намѣстникомъ Трифонова—Успенскаго монастыря, а 1755 г. келаремъ Троицкой—Сергіевой лавры и наконецъ въ 1763 г. ея намѣстникомъ и архимандритомъ. Спустя нѣсколько времени, онъ перешелъ архимандритомъ въ Московскій же Новоспасскій монастырь и въ 1773 году

105) Словарь митр. Евгенія.

106) Д. Д. К. № 4, л. 33.

107) Д. Д. К. № 55.

108) Д. Д. К. № 22.

назначенъ членомъ Св. Синода¹⁰⁹⁾. На этомъ постѣ Іоаннъ остался прежнимъ вятчаниномъ въ душѣ и проявилъ себя самымъ ревностнымъ любителемъ поэзіи и покровителемъ *Вятскихъ музъ*, или, какъ называли его въ Вяткѣ, *Хлыновскимъ меценатомъ*. Къ нему обращались съ своими одами и стансами Вятскіе пѣнты второй половины прошлаго столѣтія, искавшіе его одобренія и извѣстности; при его посредствѣ они издавали въ свѣтъ свои произведенія¹¹⁰⁾; наконецъ къ нему же обратились въ 1773 г. два еще безвѣстные тогда хлыновца, пріѣхавшіе въ Москву искать счастья,—одинъ учитель поэзіи въ Вятской семинаріи Амвросій Серебренниковъ, а другой родомъ изъ экономическихъ крестьянъ, ученикъ Вятской семинаріи Ермилъ Костровъ¹¹¹⁾. Какъ намѣстникъ Лавры, Іоаннъ былъ извѣстенъ самому «свѣтлѣйшему» Потемкину и рекомендовалъ ему своихъ вятчанъ, которые скоро сдѣлались близкими людьми князя Таврическаго и потомъ стали извѣстны всей Россіи, одинъ въ санѣ архіепископа екатеринославскаго, а другой—какъ переводчикъ *Иліады* и творецъ громогласныхъ одъ въ честь Екатерины. Этому—то Новоспаскому архимандриту Іоанну и писалъ Ермилъ Костровъ въ своемъ первомъ произведеніи, явившемся въ печати въ 1773 г.¹¹²⁾:

«Лежу я ницъ передъ стопами
Того, кто многихъ меценатъ,
И кто жестокими бѣдами

109) Истор. Росс. Іерарх. II, 303; VI, 893.

110) Напр. сатирикъ хлыновскій Антонъ Поповъ, издавшій въ 1772 г. «забавныя и сатирическія эпиграммы».

111) Истор. Росс. Іерарх. II. 303.

112) См. «стихи Св. Синода члену... арх. Іоанну, которые дерзаетъ принести вятской семинаріи ученикъ... Ермилъ Костровъ 1773», Хранятся въ библіотекѣ Вятской семинаріи.

Смятеннымъ любить помогать.

О мужъ священный, мужъ избранный!

Судьбой гонимыхъ ты отецъ,

Мужъ небесами дарованный

Для облегченья ихъ сердець.

* * *

Отверзи мнѣ, о покровитель,

Желанный Аполлоновъ храмъ,

Гдѣ онъ, начальникъ и правитель,

Съ соборомъ нимфъ ликуеть самъ.

Стократно буду я блаженъ,

Когда явишь свои щедроты;

Навѣки буду одолженъ

Твои я воспѣвать доброты.

А. Верещагинъ.

ЗАВѢТНЫЯ МЫСЛИ Н. М. КАРАМЗИНА.

1. Нравственность служитъ первою и высшею мѣрою человѣческаго достоинства. Ея законы неизмѣнны и общи для всѣхъ временъ и народовъ. Большимъ или меньшимъ служеніемъ ея уставу опредѣляется большее или меньшее величіе какъ историческихъ дѣятелей, такъ и лицъ, неизвѣстныхъ исторіи. Нравственный уставъ господствуетъ у Карамзина надъ всѣми другими законами и побужденіями. Онъ проходитъ по всей исторической ткани яркою нитью, неумѣряемый въ строгости даже государственными требованіями. Что въ одинаковой силѣ обязательно для каждаго человѣка, къ тому Карамзинъ и питаетъ особенное уваженіе. На этомъ пунктѣ историкъ и публицистъ сошлись въ немъ самымъ дружнымъ образомъ. Какъ «Вѣстникъ Европы» не признавалъ Наполеона героемъ, потому что не находилъ героизма добро-

дѣтели въ его дѣйствіяхъ, такъ и «Исторія», въ характеристикахъ древне-русскихъ князей и царей, съ особенною любовью останавливается на добродѣтельныхъ подвигахъ, даетъ имъ первое мѣсто, а не подчиняетъ ихъ какимъ либо заслугамъ. Только та политика одобряется ею, которая согласна съ чувствомъ естественной справедливости. Хотя Карамзинъ и цитируетъ слова Цицерона: «вѣкъ извиняетъ человѣка»; хотя между аподегмами, разсѣянными въ его историческомъ трудѣ, мы и встрѣчаемъ мысль, что «самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами вѣка»: однакожь, призывая мертвыхъ къ суду, онъ выговаривалъ его на основаніи тѣхъ самыхъ положеній, которыя неуклонно примѣнялъ и къ своимъ современникамъ. Передъ его нравственными требованіями были равны всѣ времена и народы, всѣ разряды общества, подвластные и власть имѣющіе. Верховное значеніе этихъ требованій положительно выражено при оцѣнкѣ дѣйствій Калиты. Хваля его за утвержденіе великокняжеской власти, историкъ не прощаетъ ему смерти Александра Тверскаго: «правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики». Съ дурнымъ поступкомъ не мирили его ни похвальная цѣль, ни успѣшное достиженіе цѣли, ибо, говоритъ онъ, «отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствія отъ Бога»,—и потому «судъ исторіи не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства». Тѣже мысли повторены по случаю Казимирова умысла убить или отравить Іоанна III: «никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны такъ поступать, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами».

Итакъ, предъ лицомъ нравственнаго закона всѣ люди равноправны. Исторія, имъ вооруженная, ставитъ важнѣй-

шимъ величіемъ дѣятелей—служеніе добродѣтели, важнѣйшимъ ихъ преступленіемъ—измѣну добродѣтели. Съ этой точки зрѣнія Карамзинъ судитъ неуклонно—строго. Особеной строгости подвергся Іоаннъ Грозный. По объясненіямъ историка, конецъ счастливыхъ дней Грознаго наступилъ въ то время, когда онъ лишился не только супруги, «но и добродѣтели»: Анастасія, вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, питала въ немъ любовь «къ святой нравственности». Адашевъ величается мужемъ незабвеннымъ въ нашей исторіи, «красою вѣка и челоуѣчества»: двойкая похвала—и относительная, воздаваемая челоуѣку извѣстной эпохи, и безотносительная, сохраняющая свою цѣнность для всѣхъ возможныхъ эпохъ. Подвигъ митрополита Филиппа заслужилъ ему славу такого героя, знаменитѣе котораго, какъ говоритъ историкъ, не представляетъ ни древняя, ни новая исторія, ибо «умереть за добродѣтель есть верхъ челоуѣческой добродѣтели». Карамзинъ жалѣетъ о Курбскомъ, какъ о злополучномъ мужѣ, лишившемъ себя главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ—«внутренняго чувства добродѣтели». Имя же «добродѣтельнаго» слуги его, Шибанова, сочтено достойною принадлежностію исторіи. Та же мѣрка прилагается къ Годунову, Лжедмитрію, Шуйскому и событіямъ междуцарствія. Ни одно противонравственное дѣло не оставлено безнаказаннымъ. При описаніи блистательныхъ свойствъ Годунова, Карамзинъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію, почему проклятіе вѣковъ заглушило въ потомствѣ добрую его славу: «превосходя всѣхъ вельможъ дарованіями, Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели; видѣлъ въ ней не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодною». Ошибочныя распоряженія Бориса во время успѣховъ самозванца вновь подтверждаютъ извѣстную истину, «сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хит-

рость, чуждая добродѣтели, запутывается въ собственныхъ сѣтяхъ». Ни эта хитрость, ни правительственный умъ не обольщаютъ Карамзина: они были для него темною силой, направленною къ личнымъ интересамъ. Въ Годуновѣ онъ чувствовалъ нечистую личность, не столько явными уликами, сколько сердечнымъ удостовѣреніемъ, открывая въ благовидности его дѣйствій неблагое ихъ значеніе, въ соблюденіи законныхъ формъ беззаконность содержанія. И потому исторія этого царствованія заключена строгимъ приговоромъ: «имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей міра, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзеніемъ, во славу нравственнаго, неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ вездѣ личину добродѣтели,—и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здоровой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ неусомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны».—Далѣе, измѣна Басманова «честолюбца безъ чести», его переходъ на сторону «державнаго пришлеца», какъ энергически Карамзинъ называетъ самозванца, даетъ исторіи поводъ заявить нетвердость того, что противно нравственности: «Басмановъ», говоритъ она, «не зналъ, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія». Отъ Шуйскаго историкъ не ожидалъ ничего великаго, потому что онъ могъ быть только вторымъ Годуновымъ: «лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ». Одна изъ такихъ опасностей наступила для нашего отечества въ междуцарствіе: «Россія гибла и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію».

2) Поступательный ходъ народнаго развитія измѣряется поступательнымъ ходомъ просвѣщенія, разливаемаго по *всѣмъ* классамъ общества, и доброй нравственности. Только при этихъ двухъ условіяхъ хорошіе законы и учрежденія могутъ приносить пользу; безъ нихъ же какъ тѣ, такъ и другія, не смотря на либеральный просторъ свой, теряютъ значеніе и остаются пустыми, бранными формами. Народныя школы могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы и ариѳметическія числа, или рассказываетъ истины свящ. исторіи и катихизиса почтенъ не менѣе великаго философа, или мудраго натуралиста и астронома.

3) Государственныя преобразованія должны совершаться мирнымъ путемъ, обходя всякіе повороты къ потрясеніямъ, насильственнымъ мѣрамъ, легкомысленному подражанію другимъ народамъ и постоянно имѣя въ виду исторію народа и его дѣйствительныя потребности. Карамзинъ былъ сторонникъ и заступникъ охранительнаго начала; онъ консерваторъ въ разумномъ смыслѣ этого слова. Подобно лучшимъ людямъ Екатерининскаго времени, онъ признавалъ пользу нововведеній только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они были согласованы съ «умоначертаніемъ» народа и съ его вѣками сложившимся строемъ жизни. Онъ не мечталъ объ идеальномъ совершенствѣ реформъ: онъ желалъ лучшаго, болѣе отвѣчающаго нуждамъ страны. Реформы перваго рода, какъ умозрительныя, легко сочиняются въ кабинетѣ, но на практикѣ весьма часто оказываются негодными; реформы втораго рода, какъ вызванныя обстоятельствами, служатъ орудіемъ общественнаго прогресса. Слова Солона, приведенныя въ «Письмахъ Русскаго путешественника», повторены, хотя нѣсколько иначе, въ «запискѣ»: «мои законы не совершенны, но лучше для

Аѳинянь». Они указываютъ путь законодателямъ и вообще всѣмъ лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія. Когда же новыя учрежденія вступили въ дѣйствіе, тогда они должны пользоваться охраной и почтеніемъ, какими пользовались до нихъ дѣйствовавшія и ими упраздненныя: «уставы отцовъ бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа», говоритъ Карамзинъ въ «Исторіи», какъ бы повторяя прежнюю мысль свою, выраженную еще въ «Письмахъ»: «всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ».

Съ точки зрѣнія охранительной, «Исторія» даетъ отчетъ о движеніи государственныхъ реформъ. Іоаннъ III возведенъ на «вышнюю степень величія» не только предъ другими царями до-петровской Руси, но и сравнительно съ Петромъ. Историкъ видитъ въ немъ идеаль монарха, важнѣйшимъ образомъ потому, что этотъ царь укрѣпилъ Россію духомъ самодержавія, и кромѣ того, по многимъ инымъ причинамъ; Іоаннъ всегда дѣйствовалъ осторожно, а осторожность «успѣхами, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность»; онъ «уважалъ правила вѣка и общее мнѣніе, не отвергалъ хорошаго для лучшаго, не совсѣмъ вѣрнаго, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ», короче: поступалъ «благоразумно, т. е. согласно съ истинною пользою отечества». Историческая точка зрѣнія, сознаніе необходимости самобытнаго, національнаго развитія, побудили Карамзина измѣнить прежній взглядъ на реформы Петра Великаго. «Записка» осуждаетъ преобразователя за излишнюю страсть къ подражанію иноземнымъ державамъ, во вредъ народному духу. Сущность новаго взгляда выражена слѣдующими словами: «Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣ-

ра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго... Два государства могутъ стоять на одной степени гражданского просвѣщенія, имѣя нравы различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе... Съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ мы утратили гражданскія... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи». Послѣдними двумя строками отвергается его прежній, гуманитарный взглядъ, по которому все народное ничто предъ человѣческимъ, и главное дѣло быть людьми, а не славянами.

4) Самобытностію и національнію должны отличатся какъ внутреннее управленіе, такъ и внѣшняя политика. Каждая часть Россіи имѣетъ значеніе только по отношенію къ своему цѣлому—Россіи; каждый ея житель имѣетъ значеніе только, какъ Русскій гражданинъ.

(Вѣстникъ Европы за 1866 г. т. IV. Стр. 36—56.).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла пятая книжка (Май) Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1868 годъ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

I. Книга пр. Исаи, гл. XXXIX—XLII. (*Переводъ съ еврейскаго*).

II. Состояніе апостольской, православно-каѳолической церкви Египетской въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. *Архим. Порфирія Успенскаго*.

III. Проповѣди св. Максима, еп. Туринскаго (V вѣка). *В. Шьвицкаго*.

IV. Изслѣдованіе о Талмудѣ. (*Статья вторая*). *С. Диминскаго*.

V. Заграничныя замѣтки.

VI. Описаніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ въ Кіевскую Духовную Академію наставникомъ Олонецкой семинаріи Елпидифоромъ Васильевичемъ Барсовымъ.

VII. Творенія бл. Иеронима. (*Перев. съ латинскаго*).

СОДЕРЖАНІЕ: Исторія Вятской семинаріи. Завѣтныя мысли Карамзина. Объявленіе.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ доставкою на домъ, въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста,—5 рубл. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, которая помѣщается въ зданіяхъ Вятской духовной семинаріи.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Іосифъ.

Дозволено цензурою. 29 іюля 1868 года.
Вятка. Въ Губернской типографіи.